

(661)
12 апреля 2011 года

12 Исторические повороты
в самопознании русского народа.

18 Трудный путь
к искусству чтения.

19 «В созерцании наша жизнь,
наше искусство, наша вера».

культура Большой театр и его голоса

Когда-то Иван Семенович Козловский сказал: «Мир Большого театра - вселенная. Рассказывать об этой вселенной с беспристрастностью стороннего наблюдателя невозможно». Эти слова вынесла в предисловие своей книги «Большой театр. Золотые голоса» (Издательство «Алгоритм») ее авторы - известные журналисты Татьяна Маршкова и Людмила Рыбакова.

Не знаю всех обстоятельств, толкнувших авторов на создание такого уникального труда, но

следуя завету великого певца, отважные исследователи успешно свершили его и с позитивным фантастическим результатом. Существенно, что книга увидела свет в рамках Издательской программы правительства Москвы и при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы. Не только профессионалы, но и все, кому дорога богатая история отечественного вокального искусства, а они у нас, слава богу, есть, получили бесценный подарок. Куда там интернетовской Википедии, да и любой энциклопедии - здесь о каждом певце написан талантливый очерк, а не просто перечислены факты биографии и слепые цитаты. Изложено же все это на сухом научно-образном языке, о сочном, страстно, с любовью к своему городу. Издание представляет собой богатый иллюстрированный материал, в котором рассказано более чем о ста певцах. В книге использованы фотографии из личных архивов, частных коллекций и музея театра.

Разумеется, особенно интересно узнать что-то новое о великих - Шаляпине, Неждановой, Обуховой, Лемешеве, Козловском, Максаковой, Пирогове. Все они начинали в былые времена, далекие годы, и услышать их можно только в старых записях на радио. Увы, их преступно редко пускают в эфир. О телевидении и говорить нечего. К сожалению, далеко не все великие артисты обладали и обладают талантом литератора, как, например, Федор Шаляпин, Ирина Архипова, Галина Вишневская или Елена Образцова, написавшие о себе целые тома. А есть певцы, о которых почему-то очень редко делают передачи на телевидении или по радио, не пишут статей и монографий. Между тем о таких выдающихся исполнителях, как Ксения Державина (1889 - 1951), Георгий Налепп (1904 - 1957), Александр Гвинев (1920 - 1981) - да целый список можно привести - узнать было бы практически невозможно. Теперь целостный образ и творческая биография каждого из них - к вниманию меломанов. В разные годы они вели репертуар Большого театра, были его главой и гордостью, частью того самого знаменитого «Золотого фонда», включающего лучшие отечественные оперы.

Есть еще люди, но их с каждым годом все меньше, кто с ностальгией вспоминает о временах, когда сцена Большого театра была действительно главной в стране, аккумулировала все самое талантливое, красивое, передовое, и чтобы попасть туда, молодым певцам надо было обладать уникальными певческими данными. И не только - важны были и драматический талант, и стать, красивая внешность и бесконечное трудолюбие. Искать таких певцов во всех уголках необъятной страны - комиссия и эксперты выезжали в глубинку и прослушивали сотни начинающих исполнителей. Я это точно знаю по рассказам некоторых ныне здравствующих солистов Большого театра, о которых можно прочитать и в этой книге.

Интересно, что в каждом очерке не только приводятся факты, но и дан творческий портрет артиста, обильно цитируются музыкаведческие статьи, советская и зарубежная пресса, мемуары, документы. Создается цельный образ творческой личности и человека.

Ирина ШВЕДОВА.

проза

Раскол как мета русской жизни

Имя прозаика Владимира Личутина известно широкому читателю еще с советских времен. Но если в 1960 - 1970-х он получил популярность благодаря повестям на локальном северном материале, то с 1980-х этот писатель переходит к освоению крупномасштабных форм, начиная работу над романом «Раскол» (1984 - 1997). В 2000-х он выпустил объемную книгу размышлений о русском народе «Душа неизяснимая», остросоциальные романы о современности «Миледи Ротман» и «Беглец из рая», автобиографическую повесть «Сон золотой» и лиричную «Реку любви». Одна из линий его творческого развития связана с углублением в религиозную историю нашей страны. Так, о вероиспытательстве в XIX веке рассказывает роман «Скитальцы».

Основное историческое произведение, которому Личутин посвятил пятнадцать лет своей творческой жизни, - эпопея о религиозных реформах XVII века «Раскол» (в трех книгах). За этот роман Владимир Личутин удостоен Государственной премии правительства Российской Федерации.

Очевидно главное, объединяющее все произведения Владимира Личутина, - позыв их автора к национальному самопознанию, об отсутствии навыков которого как об извечной российской проблеме говорил еще историк Ключевский. О необходимости самопознания для России, в новом веке восстанавливающей прежнюю и обрастающей новой культурно-историческую идентичность, во весь голос говорят теперь отечественные мыслители: ведь без самопознания дороги больше нет. В противном случае все реформы наткнутся на сопротивление национального бессознательного. Иначе говоря - саморазвития национальной культуры. Потому особенно ценно то, что в своих романах - в особенности в масштабном романе-эпопее «Раскол» - Личутин замкнулся на художественное исследование нашего национального характера на протяжении нескольких веков русской цивилизации.

Художник божественной интуицией точно нащупывает пульс национального бытия, для простых смертных невыразимого, потаенного. Когда Личутин в публицистическом выступлении говорит об идее спасения России, он опирается на собственный опыт художественного письма. Ведь именно эту идею он отстаивает во всех своих романах - от потаенного исторического прошлого до самой что ни на есть жгучей современности.

Исторический роман-эпопея «Раскол» о церковной реформе XVII века и ее воздвизении на состоянии русской души состоит из трех книг: «Венчание на царство», «Крестный путь» и «Вознесение». По сути это произведение, посвященное главному для русской души вопросу: вопросу о вере, ее подлинности или же мнимости, сбивающей человека с пути истинного, увлекающей в сферу ложных смыслов и лжеценностей. Отсюда и лейтмотив эпопеи: мысль о пути и смысле исторического пути России. Многие действующие лица романа имеют реальных исторических прототипов. Это патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, духовный мир которых воссозданы не только через исторические действия и поступки в частной жизни, но и через вещи сновидения, прозрения, раздумья. В центре повествования также трагические судьбы неистовых ревнителей, легендарных гонимых за веру: Авакума, боярина Морозовой и др. Но в этих судьбах и судьба всей страны: России в ее многовековой перспективе...

Перед нами - масштабная

эпопея об одном из кардинальных, для дальнейшего развития России и русских, исторических поворотов в самосознании нашего народа. То есть «Раскол» - книга о прошлом. Тем не менее ограничиться лишь такой, узкохронологической, оценкой произведения было бы ошибкой. При вынесении подобных «приговоров» не следует забывать, что ценностный смысл действия художественного творения не замыкается в прошлом, а всегда устремлен в будущее. И обогащается, и раскрывается он, этот смысл, каждый раз заново в соотношении и связях с ценностями последующих эпох. Именно в этом - его непреходящее, вечное значение и одновременно историческая значимость.

Исток раскола, как следует из личутинского романа, - кризис веры и отторжение ее прежнего образа: явление, вызвавшее раскол нации и в 1917-м, и в 1991 - 1993-м годах. Человек полагается на традицию, на веру и образ жизни предков и - разрывая жизненную цепь, опрокидывает миропорядок. Об этом - не только личутинские «Скитальцы» (о XIX в.), но и роман «Миледи Ротман» (о перестройке и начале 1990-х), в центре которого - утрата национальной идентичности, и роман о постсоветских временах «Беглец из рая», где, как и в «Расколе», показано, что после государственной смуты наступила «смута на сердце». От XVII до XXI века прочерчивается единая линия раскола и единая точка притяжения русского ума. Еще в исторической эпопее о старейших временах образ Кремля-Верха (в «Беглеце» - «рая») как предтеча цесоловских мечтаний исторических героев (патриарха Никона в первую очередь): «Этот и был Верх, куда стремились всякий русский, чтобы глянуть хоть одним глазом». С другой стороны, именно в такой иерархии национального сознания таится первоначальный раскол - на Бога и человека, небо и «грешную», «несовершенную» землю: по отношению к этому все остальные социоисторические расколы - производные. Поиск «Верха», иномирия, «инобога» определяет раскол русского самосознания в XVII - XX вв. на «здесь» и «там» (будь то «несовершенное» настоящее, устремленное в заповедную область «светлого будущего»); «верх» (корпоративную правящую верхушку) и «низ» (т. е. пре-

Раскол предстает тогда как антирусский феномен, кровавая тень которого легла на XX век с его братоубийственными расправами, гражданской войной, репрессиями и преследованиями «инакомыслящих» в их бесильной борьбе против власти. Именно в этом свете - на пути к истомой социоисторической, политической гармонии и примирению - осмысливается и концепт (народного) бунта, революции, поднятый на щит большевистской пропаганды и умело использованный для захвата власти и манипулирования массами в начале прошлого столетия. В романном отступлении «Из хроники» о распрях начала XVII в., что предшествовали церковному расколу и во многом его обусловили (порой историческое сомнение в идее русского самосознания как «горе-злосчастия»).

Тем не менее даже в своем отрицании личутинская оценка лишена однозначности, о чем свидетельствует и его во многом возвышенное изображение в «Расколе» Никона - как

тоже своего рода страдальца за веру, осужденного тем же самым Собором, который год назад (в 1666 г.) осудил старообрядчество. Зачисляя Никона в десятку выдающихся русских личностей («А в XVII веке это вообще был первый человек»), Личутин тем не менее видит пагубные результаты его реформаторства в том, что он нарушил не только ход, заповедную жизнь церкви, изменил саму церковь. Проведение в личутинской прозе каждого значительного явления через стадии яростно-противочувствия (любви и ненависти, притяжения и отторжения, доверия и страха и пр.) обусловлено одной сверхцелью, лежащей в основании всякого национального строительства как культурного: я имею в виду, говоря словами современных ученых, «страстное стремление обрести норму нации». Наиболее явно это стремление - во всех сопутствующих ему противоречиях (зоне преодоления) - обнаруживает себя в архетипе раскола, наложившего неизгладимый отпечаток и на историю XX в., и на национальную личность и судьбы России.

«Есть две России», - писал В. Розанов в «Психологии русского раскола», - одна - Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начавшимися, определенно оканчивающимися, - «империя», историю которой «изображал» Карамзин, «разрабатывал» Соловьев, законы которой кодифицировал Сперанский. И есть другая - «Святая Русь», «матушка-Русь», которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых непредвидим, начало безвестно: Россия существующая, живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного. На эту потаенную, приоткрытую первую, Русь взглянул Булгаев, Тихомиров и еще ряд людей, имена которых не имеют никакой «знаменитости», но которые все обладали даром внутреннего глубокого зрения. К ее явлениям принадлежат раскол».

Как видно, в таком понимании феномена раскола как первоосновного для России, искони разделенной на внешнею, явную и «нутрянную», потаенную (читай - подлинную, сущностную), уже заложено (читательское и авторское) восприятие, отдающее в сторону все внешне-эмпирическое, «правильное», рационально выверенное. С личутинской точки зрения, высказанной со всей отчетливостью в его художественном исследовании национального раскола XVII в., основная линия раскола с той порой проходит между официальными догмами и реформами, внеположными по отношению к русской жизни, и саморазвитием национального бытия, национальным менталитетом с его стихийными установками, «нутрянной» психологией и пр. Искренняя стихийная вера народа здесь наталкивается на сковывающие рамки, внешние каноны и - такое состояние раскола российской действительности сохраняется вплоть до настоящего времени как постоянный исток общенационального брожения ума, несогласия и нестабильности. Но и залог постоянного движения, развития России - в преодолении и внешних обстоятельствах, и самое себя.

Алла БОЛЬШАКОВА.

Издательская программа правительства Москвы

Мгновения истории

Фотография - это великое изобретение человечества. История фотографии - такая же часть нашей культуры, как история живописи или гравюры.

Подумать только: первые позитивы на посеребренных пластинках, названные по имени их изобретателя Луи Дагерра дагерротипами, появились в 1839 г. Публика пришла в восторг - и в замешательство. В обществе спорили: насколько фотографический портрет может передать сходство и способен ли он заменить живопись?

Фотография стремительно ворвалась в быт людей, вытесняя более дорогую литографию, а иногда искусно подменяя драгоценную миниатюру. На стенах кабинетов, гостиных место акварельных и гравированных портретов все чаще занимали фотографии. Обмен снимками превращался в ритуал, свидетельствующий о дружеских чувствах или о родственной близости. Все это заставляет внимательнее присматриваться к старым фотографиям. Они - свидетели прошлого. Одеты в нарядные паспарту или всевозможные рамки кабинетные портреты и маленькие визитки с многочисленными медалями и золотой вязью на обороте могут поведать и о том, кто изображен, и о фотографе, сделавшем снимок. Их биографии, адреса фотостудий, порой даже фотографические бланки помогают точнее датировать снимки, а это в свою очередь позволяет прояснить некоторые важные моменты в жизни известных людей.

Об искусстве фотографии и ее мастерах, оставивших в наследие неподражаемые снимки, ставшие свидетельствами эпохи, Т. Н. Шипова рассказала в книге «Московские фотографии. 1839 - 1930 гг. История Московской фотографии».

Татьяна Николаевна Шипова, увлеченный человек, сделавший исследование фотографии своей профессией, - научный сотрудник Государственного литературного музея, хранитель в отделе образцовых фондов, на протяжении многих лет искала материал, который сегодня и составил книгу, выпущенную издательством «Планета» при поддержке правительства Москвы.

Читая книгу, знатоки, любители фотографии в истории Москвы получат полное представление о фотографических заведениях Москвы того времени, людях, занимавшихся «фотографическим ремеслом», и фотографических обществах, появившихся в Москве и других городах России и объединивших увлеченных новым интересным занятием людей. В книге более 600 фотографий и более 150 имен владельцев фотографических заведений.

Мы часто слышим, что слишком много проходит времени, пока новшества заимствуются в России. Давайте посмотрим, как быстро пришли в Россию дагерротипы: фотография (светосильная) была изобретена одновременно во Франции и Англии в 1839 г. и очень быстро проникла в другие страны Европы и Америки. И так, 7 января 1839 г. Дагерра узнал об открытии Дагерра. Газеты и журналы рассказали всем о новом чуде. В Париже мгновенно было распродано более 3000 дагерротипных «машин».

И всего через полгода, 5 июля 1839-го, в прибавлении №53 к газете «Московские ведомости» москвичи прочитали

удивительное сообщение владельца магазина Карла Андреевича Беккера: «Дагерротип. Сия машина, изобретенная г-м Дагерром в Париже, посредством кой не умеющий рисовать может снимать всякие виды с удивительною точностью, уже везде известна по

многочисленным описаниям во всех газетах и журналах; магазину братьев Беккер на Кузнецком мосту препоручено (одному в Москве) принимать подписки на сию машину.

А 23 октября того же года москвичи увидели первые дагерротипные снимки с видами Москвы, выставленные в витрине магазина К. А. Беккера, которые он выполнил сам «посредством вышеупомянутой машины». Беккер стал не только продавать аппараты, но и принимать (первым в Москве) заказы на «снятие улиц и зданий Москвы по 50 руб. асс. за вид».

Как видно, события, связанные с появлением дагерротипов в России, развиваются стремительно. Уже с мая 1840 года в Москве наряду с иностранными аппаратами в продажу поступили и более дешевые аппараты, выполненные московским мастером, Алексеем Федоровичем Грековым (1799 - 1851).

Оформление миниатюрных дагерротипных портретов не отличалось от живописных: их тоже помещали в кожаные футляры с крышками или обрамляли так, чтобы можно было носить портрет как украшение. Началось коллекционирование портретов.

В Газетном переулке, в доме Рейхарда, против Адресной конторы, открыли дагерротипное заведение П. Баумбергера и живописец Винтергалтер. Дагерротипные заведения пользовались в городе большим успехом.

Начиная с 1844 г. в Москву приезжают много иностранных мастеров дагерротипа; одни «гастролировали» несколько месяцев и отправлялись в другие города, иные оседали здесь на долгие годы.

Московские дагерротиписты для своих заведений выбрали дома на самых оживленных улицах, вблизи монастырей, храмов, магазинов. Торговыми центрами тогда были улицы Петровка, Тверская и особенно Кузнецкий мост, на котором еще в 20-е годы XIX в. был построен Пассаж с торговыми рядами. В 1840 г. рядом с Пассажем, вблизи Большого театра, князь М. Н. Тольщин построил крытую галерею, где находилось более двадцати линий, которые сдавались под магазин. Крытый стеклом верх галереи, большой приток покупателей привлекал внимание дагерротипистов.

В сентябре 1848 г. журнал Министерства народного просвещения и газета «Московские ведомости» опубликовали сообщение о новом множительном процессе Альфонса Пютавена (1819 - 1882), дополнившего своими работами труды предшественников Ньепса, Дагерра и Тальбота.

После публикации описания способа Пютавена в Москве началась новая эпоха в фотографии: дагерротипию - получение изображения на металлической пластине - стал вытеснять негативно-позитивный множительный процесс фотографической бумаге.

Первое фотографическое заведение открыл портретный живописец Иосиф Вейнгарт-

Анна ЛАПУШКОК.

Освободи ум от невежества

человек

Предвзвучу скептическую укмылку: это надо же - прекрасно изданный «Маном, Ивановым и Фербером» фоллиант более трехсот страниц «Как читать книги!» Да еще старый - американский философ, редактор, преподаватель, побывавший председателем редакционного совета энциклопедии «Британика», **Мортимер Адлер** создал этот труд в уже далеком 1940 году, правда, доработал его в 1965-м. Сколько с того времени воды утекло, как мир изменился! Нафталин! Но уверен, скептик не прав. Увы, с горечью можно признать, что на место читателя приходит потребитель информации. Он, как справедливо пишет в предисловии доктор экономических наук С. С. Есенкин, словно в чужую обитель, входит в текст и тут же, не задерживаясь, выходит, даже не пытаясь подхватить протянутые ему зерна для размышлений. Такие «читатели» только скользят взглядом по страницам и, выхватывая фрагменты мыслей и идей, считают, что нашли истину. Но они подобны лишь гуляющему ветру - скользнул и исчез.

С горечью можно признать, что культура ума с каждым поколением становится все тоньше. А она дается каждодневной работой и дисциплиной мышления. Чтение - это труд, и ему

необходимо учиться. Причем труд нелегкий, требующий постоянного обучения, тренировки чувств и мышления, которые человек может внутренне и не осознавая. М. Адлер разработал своего рода учение о том, как надо читать книги, создал как бы регламент восприятия информации, которую каждый читающий должен пропустить через себя. Автор дает стратегию, которая позволяет руководствоваться при чтении любой книги, способствовать выработке «гормона внимания», достижения чистоты восприятия написанного, умения получать удовольствие от искусства чтения.

По основам нам кажется, что, освоив азбуку, мы стали читателями, ведь это так же просто и естественно, как уметь смотреть и говорить. Многие даже не предполагают, что су-

ществует искусство чтения как таковое. Современный человек много читает, порой даже не подозревая, что существуют разные виды чтения. Можно читать для информации, для развлечения и для понимания. На первый взгляд кажется, что различия только в цели чтения. Отчасти это так. Но корень в другом. Пожалуй, все согласится, что невозможно получить информацию из комикса и не сильно разовьешь свой интеллект, читая календарь. У каждого текста - своя ценность, именно так и нужно к ним относиться. И как тут не вспомнить Сервантеса, считавшего, что не бывает настолько плохих книг, чтобы нельзя было найти в них ценного. Мудрость, как известно, начинается с признания собственного невежества. Но часто ли мы способны в этом признаться? Куда проще читать, чем думать. Куда проще читать, чем думать. Куда проще читать, чем думать.

Увы, современное образование недооценивает обучение чтению и письму. Школы дают лишь их начатки, поскольку для глубокого изучения требуется огромное количество времени. К тому же гуманитарные науки все больше теснятся другими. Грамматика, не говоря уже о логике и риторике, оказывается на периферии. Но искусство мышления не может существовать

отдельно от искусства чтения и слушания, с одной стороны, и от искусства открытий - с другой. М. Адлер уверен: «Человек, не владеющий письменной речью, не может хорошо читать. Я даже пойду дальше и скажу, что неспособность изъясняться письменно отчасти проистекает именно из неумения читать». Владение искусством грамматики и логики требуется, чтобы писать ясно и доступно. В любом случае грамматика, логика и риторика управляют процессами сочинения и чтения, подчеркивает автор. Франсис Бэкон советовал: «Читайте не для того, чтобы возражать и опровергать, не для того, чтобы верить и принимать без доказательства, не для того, чтобы узнать чьи-то мысли, но для того, чтобы взвешивать и обдумывать». К тому же не лишне помнить, что гуманитарное образование - это сильнейший оплот демократии.

Искусство чтения предполагает диалог автора и читателя как стремящихся быть равными собеседниками. К тому же читатель должен не только понимать содержание книги, он обязан знать, как правильно судить о ней. Чтение - это постоянная учеба, ежедневное самосовершенствование. Оно требует усилий, при этом нужно помнить, что невозможно развивать навыки чтения, отдавая предпочтение книгам, не требующим серьезных усилий и новых ресурсов. Чтение - это интеллек-

туальная беседа с автором. Во время ее нужно найти общий язык с автором, интерпретировать его ключевые слова; распознать главные утверждения, выделить среди них наиболее важные; обнаружить аргументы автора или построить их из совокупности предложений; определить, какие проблемы автор решил, а какие нет. Таков своего рода этикет интеллектуальной беседы, предлагаемый М. Адлером.

Любому человеку приятно общаться с умными людьми. А ведь мастерство чтения - это единственное условие для того, чтобы оказаться в компании гениев. Автор составил списки великих книг, которые необходимо прочесть любому человеку. В них включены и художественная литература всех времен и народов, и труды по истории, социологии, естественным наукам, математике, развитию человека и общества. Это своего рода программа-минимум для образования. Эти книги научат человека свободно мыслить. «Это освобождающее искусство», - пишет М. Адлер. И далее проделает, что они освобождают нас от произвола необоснованных мнений и узости провинциальных предрассудков, делают свободными от всех авторитетов, кроме разума, потому что истинно свободный человек должен подчиняться только разуму. И в основе всего - искусство чтения.

Александр ЕГОРУНИН.

Хорошее послевкусие

проза

В издательстве «Астрель» вышел в свет шестой роман **Мастера Чэня - «Дегустатор»**. В первую очередь, как говорит автор, это книга о вине, вине как сложнейшей индустрии и профессии, вине как философской субстанции, порождающей множество поэтических мыслей. Еще, конечно, - разумеется, здесь не обошлось без детективного сюжета: главный герой романа винный аналитик Сергей Рокотов оказывается вовлеченным в расследование немыслимого убийства - отравления в старинном немецком замке Зоргенштайн коллеги-дегустатора.

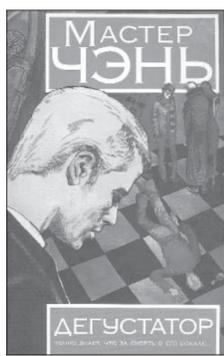
Действие на сей раз происходит не в средневековом Китае, не в колониальной Британской Малайе 1929 года, а в Европе и в России, время - с сентября 2005-го по май 2006 года. И время это столь близкое и свежее в памяти, что очевидно: героя «Дегустатора» читатель будет оценивать по совершенно иным критериям, чем те, с которыми мы подошли к оценке Нанидаты Маниахи или Амалии де Соза.

Читая первые книги Мастера Чэня, я, как, наверное, подавляющее большинство читателей, доверяла профессионалу-востоковеду, сумевшему заинтересовать, увлечь прежде

неведомым мне миром. Что-то будет сейчас, когда есть собственное выстраданное предствление о недавно пережитых событиях?

Сергей Рокотов - представитель поколения, на долю которого выпали перемены в стране, поколения свидетелей и участников революционных событий 1991 года, принятых ими с удовлетворением и надеждой. Но на расстрел парламента оставил неизгладимые зарубки на сердце. Жестокие девяностые лишили работы, средств к существованию, рушили семьи. Выживать было трудно, справились с этим не все. Постепенно, однако, жизнь тех, кто не сдался, обрела смысл, интерес, которую успешность. Но за это время выросло новое поколение - офисный планктон. Второсортные одноместные малыши, напористые и беспардонные, пришли, чтобы отнять с таким трудом построенное предшествениками.

Ах, как все до боли знакомо, как узнаваемо! Роман «Сомнение» я стала исполнять, прочитав две трети романа, вникая в рассуждения Сергея Рокотова и его подруги Алены Каменевой о будущем. Ну, планктонным малышам поссорачивают их шейки, но рокотовское поколение это не спасет, хотя у него в запасе (напомню, действие происходит в 2006 году) еще шесть спокойных лет - их Тридцать седьмой наступит в 2012-м. С этим шагом отсчета (революция поживает своих де-

тей через двадцатилетие) я согласиться не могла, поскольку не припоминаю таких длительных простоях в действиях аппарата насилия и подавления. Впрочем, аргументировать собственную точку зрения не приходится - у Сергея и Алены все рухнуло через считанные недели... «Дегустатор» увидел свет в этом самом 2012-м. На 1937 год он все же не похож. Писался роман до разгара «арабских весен», реформы милиции, разгрома системной и бессистемной оппозиции. И сегодня необходимо подчеркнуть аналитическое чутье, талант писателя, предвидевшего свалившуюся на наши головы мерзость этого года.

Изменив излюбленным ве-

кам и странам, Мастер Чэнь остался верен себе в скрупулезной точности освещения того, о чем он пишет, не стесняясь обратиться за консультацией к экспертам, поэтому читателю предстоит узнать много интересного о вине и виноделии, о сигарах, о земле, где выращивают виноградную лозу, о людях, традициях, обычаях страны, где побывал дегустатор Сергей Рокотов.

В проекте «Шпион из Калькутты», состоящем из двух романов - «Амалия и генерал Сисимус» и «Амалия и Белое видение», романом о женщине, Мастер Чэнь писал от лица женщины, что сам в свое время назвал литературной наглостью. В «Дегустаторе» перед ним встала задача не менее дерзкая: передать современную российскую речь, обходясь без мата, на котором нынче не ругаются, а просто разговаривают. Не стану рассказывать, какой виртуозный выход нашел писатель, но гарантирую - от его игры словами и улыбаешься, и получишь удовольствие.

Как всегда, в книге будут стихи и музыка, а еще хрустальный звон ушапей за окном соулски, арбузный запах снега, пение невидимых колоколов франкфуртского аэропорта, тремя нежными нотами зовущих в небо.

Будет страсть, сексуальные фантазии, нежность, любовь, причем любовь не только к женщине, но и к ребенку - дочери от рухнувшего брака. Читая книгу,

обратите особое внимание на эту скрупулезную линию. Мне кажется, что, следя за ней, тот (и уж точно - та), кто еще не покорен этим автором, безоговорочно сдастся ему в плен.

И, конечно, будет много еды. Картофельное пюре, поллитое пюре яблочным, что хорошо идет к немецким тонким колбаскам. Испанский хамон, чашечка кофе и воздушные булочки в кофейной матушки Кармен. И авторский рецепт блюда, ингредиенты которого - телячья вырезка, белые грибы, картошечка, ну и кое-что еще (смотрите главу «Судьбу мяса решают доли секунды»). Полконики романов Рекса Стаута о сыщике Ниро Вульффе, любители орхидей и гурмане, или те, кто любит детективы Донны Леон о комиссаре полиции венецианца Гвидо Брунетти, коллекционеры и опробуют на собственных кухнях опубликованные в их книгах кулинарные рецепты. Подозреваю, что скоро и рецепты Мастера Чэня - вполне заслуженно! - будут столь же ревностно собираться и пускаться в дело.

Нет причин сравнивать Сергея Рокотова с моей первой любовью - Нанидато Маниахом. Но и Рокотов, герой нашего времени, - фигура симпатичная. В общем от романа «Дегустатор», как от глотка доброго вина, остается мягкое, словно касание перышком, хорошее послевкусие свежей миндальной косточки...

Ирина КУТИНА.

Куда плыл медведь

переводы

Писатели часто бывают порозливее политиков. Жизнь не раз подтверждала это. То, что случилось однажды летним днем в очень благополучной Норвегии, когда один мерзавец сначала снес полквартиры в Осло, а затем поехал поохотиться на подтопках в летний лагерь, убив и ранив больше сотни человек, норвежский мастер детектива **Фруде Гроттен** предсказывал аж шесть лет назад. В 2005 году в скандинавской стране был издан триллер «Плывущий медведь», который теперь в переводе А. Штрыжкова выпущен «Иностранкой».

Пончалу эта книга совсем не кажется остроумным произведением. Скорее это психологическая драма, атакое модное «самопознание». Герой - не очень молодой и не слишком удалчивый журналист из маленького городка, затерявшегося где-то во фьордах. Впрочем, норвежские просторы не очень обширны, но чертовски красивы (недаром там издавна поселились тролли и волшебный композитор Григ!), страна полна туристов, любующихся ослепи-

тельными видами с водопадами, зеленой экологически чистой природой, которую все - и законы, и люди - ревниво оберегают. Городок Одда - не исключение. Здесь, конечно, немало всяких предприятий, но они удачно вписались в жизнь города, а вернее, дают ему жизнь. Одно из них на грани закрытия. Наняв дешевых гастарбайтеров (в Норвегии это сербы), администрация проводит предпродажную подготовку завода, под шумок вывозя наиболее ценное оборудование и сырье. Короче, обстановка в городе, на вид благополучнейшем, нервная, того и гляди все вспыхнет, и тогда куда денутся знаменитые скандинавские невозмутимость и непробиваемая уверенность в себе?..

Вот в такой-то обстановке и снуют по улицам городка выдавшаяся вида «Вольво» местного журналиста Роберта Белла. Работа особенно не тяготит его, он привык «отбывать номер», зато Белл любит смотреть по сторонам, а материал для статей не высасывает из пальца или спасительного интернета, а собирает тщательно, по крупицам. Он любит анализировать и сопоставлять факты и зачастую раскрывает преступления быстрое медлительных ребят из местной полиции, или «Крипос». Но больше всего он любит копаться у себя в душе и, как каждый порядочный и мыслящий человек, ненавидит лицемерие и фальшь, а их-то как раз вокруг хоть отбавляй. И когда в воде, сорвавшись с моста на большой скорости, тонет в автомобиле местный «наши», только Белл, единственный из журналистов Одды, пытается по-настоящему докопаться до сути события. А оно разрастается, как снежный ком: в местных барах и кафе, где заседают свои «ликейные жилеты», в магазинах и на улицах все говорят только о катастрофе, решают: катастрофу подстроили эти проклятые «по-

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 12 апреля 2012 года, 4-я стр.

наехавшие». Пресса подливает масла в огонь почти в прямом смысле: в приюте для беженцев вспыхнул пожар. Телефоны местной редакции обрывают возмущенные граждане: выслать всех вон, пусть катятся из страны. Администрация города и сама не прочь избавиться от лиц «ненорвежской национальности». А их в Одде, надо сказать, действительно немало... Но как-то у Белла получается ладить с ними, разговаривать по-человечески, находить общий язык. Он уверен: не бывает чужаков. Беседа со своими земляками по редакционному «открытому телефону», Белл отчаянно защищает иммигрантов, но, видимо, его усилий совсем недостаточно. И когда гибнет единственный свидетель преступления, девятилетний мальчик-цыган, за которого вроде бы нес ответственность наш герой, ему становится совсем неуютно в своем родном городе...

Проблемы беженцев, наводнивших Европу, ненавязчиво, но серьезно встают на страницах этой небольшой книжки. Коротенькая жизнь брошенного родителями ребенка оказывается в нем очень надежных руках в общем-то хорошей человека, и такая грустная история типична в современной и благополучной стране. И от этого очень нелегко на душе и герою книги, и самому Фруде Гроттену. Пожалуй, ни один из современных триллеров серии «Лекарство от скуки» не заканчивается на такой высокой цемпейшей ноте.

Остается добавить, что в Норвегии умеют ценить по-настоящему хорошую книгу: «Плывущий медведь» Фруде Гроттена удостоен престижной национальной награды как лучший детектив года, хотя социолого-психологический мотив книги мне, например, гораздо ближе, чем острый и хорошо закрученный сюжет.

Елена ПЛАХОВА.

Страстный пропагандист «русской идеи»

Опять мы переживаем смутное время, и снова бродит в головах русская идея. Новое возникает из старого. Эти идеи вынашивал и философ Иван Ильин, в марте исполнилось 130 лет со дня его рождения.

не ползать на коленях, а самостоятельно быть и творить, обращаясь к Богу», - вот характерное высказывание Ильина.

Он был православным философом. Искал истину добра и красоты как исходящих от Бога. Ильин объяснял упадок современного искусства недостаточным распространением религии среди народа и при этом высказывал надежду, что опять наступит период религиозного возрождения, когда снова расцветет искусство.

Ильин был историческим и социальным оптимистом, верил в возрождение России. «Россия - не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промывавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно. Придет исторический час, он встанет из мнимого гроба и потребует Назад свои права».

Ильин любил Россию самозабвенно и писал о ней, как настоящий поэт: «Россия одарила бескрайними просторами, ширью равнин, волнопронизываемым взором да ветром, зовущим в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали ширину, волюность и легкость, каких нет у других народов. Русскому человеку присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных небывалых возможностей...»

Созерцать научила нас Россия. В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...

Россия дала нам богатую, тонкую, подвижную страстную жизнь чувства...

И еще один дар дала нам наша Россия: это дивный, наш могучий, наш поющий язык...» Это только некоторые выдержки из того, что написал о России Ильин. Казалось бы, такого певца России должны были любить все. Однако это далеко не так. Среди коллег-философов Иван Ильин не пользовался авторитетом. Он был как бы чужаком для всех. Особенные споры и возражения вызвала книга Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925). Книгу отвергли многие: Бердяев, Зинаида Гиппиус, Степун, Айхенвальд и другие. Зинаида Гиппиус назвала труд Ильина «военно-полевым богословием». Бердяев высказался так: «Кощмар злого добра».

Ильин оправдывал свой антитезис толстовства, утверждая, что сопротивляться злу необходимо всегда с любовью. Но объективно с мечом. Быть меченосцем. Уже в советские времена поэт переименовал тезис Ильина, заявив, что добро должно быть с кулаками, но без всякой религиозной основы. А у Ильина было соединение любви и меча, недаром его прозвали «теоретиком православного меча». Для многих такое сочетание было неприемлемо. Бердяев в сердцах говорил об Ильине: «Чужой человек, иностранец, немец».

В конце 1940-х, в начале 1950-х годов Иван Ильин пророчествовал о падении коммунистической диктатуры. Увы никто не верил, а он угадал.

И еще одна странность. Ильин свои публикации часто подписывал иностранными псевдонимами (Юстус, Ивер, Карл Браунштейн и т. д.). Можно по этому поводу пошутить: «русская идея» в иностранной упаковке? Но сам Иван Александрович шуток не признавал, лишь в юности в гимназические годы позволил себе пошутить: своеобразно передвинул стол учителя перед уроком. Но тогда будущему философу было всего лишь 16 лет. В зрелые годы Иван Ильин переделал не столько, а философские концепции.

Незадолго до смерти Ильин завершил основную труд своей жизни - «Аксиомы религиозного опыта». В нем он утверждал, что «человек есть по существу своему живой, личный дух... Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы...» Критерием истины и веры Ильин считал смерть. «Жить стоит только тем, - проповедовал он, - за что стоит бороться и умереть».

Философ-меченосец с «русской идеей».

Юрий БЕЗЛЯНСКИЙ.

Италия на перекрестке миров

вечер

Цикл вечеров «На перекрестках миров» был задуман для того, чтобы рассматривать мировую культуру под разными, порой неожиданными ракурсами, замечать неочевидные на первый взгляд связи, восторгаться головокружительными сплетениями и скрещиваниями, совпадениями и закономерностями.

Вечер «Пою я дам и рыцарей влюбленных» был посвящен культуре Италии. Он получился не просто «на перекрестках», а прямо-таки в клубке удивительных взаимосвязей.

Ведущая вечера поэт Ирина Ковалева начала с того, что у Италии очень много лиц, совершенно разных. Мало того что в каждой области Италии свои традиции, свой говор, своя кухня. И у каждого из нас тоже есть своя Италия - даже у тех, кто в Италии никогда не был. Потому что все мы знаем, не можем не знать итальянскую литературу,

итальянскую музыку, итальянскую живопись - все то, без чего немисляма мировая культура.

Ирина Ковалева рассказала о своих итальянских впечатлениях и прочла стихи об Италии.

Поэт Иван Белокрылов познакомил собравшихся со своими переводами поэм Лодовико Ариосто «Неистовый Роланд». Именно строчка из этого выдающегося произведения стала названием вечера. Работа над переводом поэм продолжается уже больше двадцати лет!.. С подстрочником Ариосто Иван Белокрылов познакомился в студенческие годы совершенно случайно и с тех пор не оставлял желания перевести поэму. Для этого поэту пришлось изучать итальянский язык. Поэма Ариосто, по его словам, настолько грандиозна и гениальна, что читать ее в подлиннике - восхитительное удовольствие.

Леонид Володарский недавно закончил роман «Перо Пётрарки», где сплетены исторические факты и фантастические гипотезы. Весьма захватыва-

ющее, наверное, нас ожидает чтение!.. Кстати, знаете ли вы, что в Италии был «Закон о Петрарке», защищающий интересы поэта, - уникальное явление в мире вообще? Такой закон в XXI веке не помешал бы!.. Ну, а поэзия в Италии Петраркой не кончилась: Дарья Белокрылова прочла переводы современных итальянских поэтов.

Журналист Надежда Осминина предложила несколько неожиданный «перекресток»: связь Древнего Рима и православной мысли. А поэт Евгений Славоросова обнародовала скрещивания с Италией в истории собственной семьи.

Словом, в этот вечер мы все оказались на нескольких перекрестках сразу - в самой гуще клубка!

По традиции в вечере участвовали дети - юные стихотворцы и музыканты. Это тоже перекресток - встреча с будущим. С будущим культуры, которое нужно кропотливо, заботливо выращивать.

Анна ЯМПОЛЬСКАЯ.

КНИГА В МОСКВЕ	НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:	Макет: Оксана Мерзлякина	Телефон для связи:
	Руководитель проекта Александр Егорович	Верстка: Анна Некрасова	8(499)259-10-15
		Корректур: Ирина Кутина	e-mail
		Иллюстрации: Александр Акулинин	egorunin@mospravda.ru